

28. ШУРКА И МЕТЕЛЬ

Я ехал в деревню Тупку. Дорога туда полевая, ее торопливо переползали белые змейки. Начиналась метель. Ветер дул боковой, сильный, норовил снести мою машину.

Самое опасное место -- пересечение с газопроводом Ямал-Европа. Я ездил тут летом, обстановку знал. Дорогу разрыли, положили трубу, засыпали, похабно заровняли, оставив ямы. Знать знал, но ямы сровняла метель. Машина провалилась, забуксовала. Взад-вперед, взад-вперед — с трудом вытащились.

Справа и слева от дороги по заснеженному полю полз в земле бесконечный черный червяк -- газопровод. Полтыщи километров он извивается по Беларуси, уничтожает поля и леса, уродует реки и поймы, изменяет ландшафт. Говорят, что вскоре параллельно поползет второй.

Загадка: почему государства борются друг с другом за то, чтобы чужой червяк соизволил испортить именно их территорию? Как постичь государственный расчет бабушке из Тупки, вынужденной продавать корову из-за того, что российский трубопровод испоганил пастбище и сенокос?

Сию несчастную, к которой я приехал, зовут баба Настя. У нее в гостях, вижу, сидит баба Нина. Нахлобученная куртками и платками, она горюет, что три месяца нет газового баллона, приходится готовить в печи, а дрова кончаются, а зима длинная.

-- И я так привыкла к плитке, что, кажется, все отдала бы за тот баллон, — поддержала гостью бабушка Настя, хозяйка. — Скорее бы Россия взяла нас к себе, дала баллон или хотя бы солярки в керогаз.

На моих глазах в бабушкиной хате из холода вылуцчивается политика. Насмешливо восклицает:

-- Жди! Дурная Россия завалит подарками!

Это пришла в гости на телевизор третья бабушка -- Вера. И получила отпор бабушки Нины:

-- Так газ будет дешевый!

-- За что — дешевый?!

-- Труба теперь общая, Лукашенко возьмет оттуда газа. И хлеб подешевеет, и колбаса.

Вижу, посиделки бабушек под воздействием зимы превратились в совет министров. А может, в республиканский штаб. Или в бригаду

уполномоченных. В Беларуси есть и то, и другое, и прочая, и везде сидят-высжиживают мысль, что страну спасет дешевый российский газ. Чтобы он стоил, как внутри России, надо, мыслят, слиться в одно государство с общей трубой, с единым начальником. Так, мол, желает белорусский народ, его воля -- закон для Александра Лукашенко.

Не врут. Я убедился: три бабушки из Тупки, в 1994-ом избравшие Лукашенко, желают того, что желает он. Правда, в последнее время он как бы уже и не желает. А бабушки еще не перестроились, они не такие гибкие, как он.

Чтобы отвлечь бабушек от политики, я задал жизненный вопрос:

-- Как платят пенсию?

Ответили радостным хором:

-- День в день! Почтальонша приносит в хату.

-- А если в союзном государстве пенсию станут задерживать, как в России?

-- Лукашенко пообещал, что у нас так не будет, — сказала бабушка Настя, а Нина поддакнула, что тоже верит ему.

-- Боимся! — неожиданно призналась Вера. — Если задержат пенсию, то и мы пропадем, и дети.

-- Ваши дети в Минске, на своем хлебе, при чем тут ваша пенсия? -- спросил я.

-- Как получу, так на второй день приезжают. Дай, матка, жить не за что. Если задержат пенсию, все порушится.

-- А большая пенсия?

-- Как у всех. Зато день в день!

-- Не бойтесь, что дети и внуки пойдут воевать на Кавказе или в Таджикистане? — спросил я.

Бабушки разом выдохнули:

-- Думки берут!

И тут же хором успокоили сами себя:

-- Президент обещал, что белорусы воевать не будут.

-- Как же так, бабули, государство одно, труба общая, а интересы разные? Пусть за белорусов воюют русские?

-- Ой, не знаем ... Как там моя Шурка?

Бабушка Настя перевела разговор на другую тему. Она посматривала в окно, где завихрялись снежинки и посвистывал сиверок. Волновалась за десятилетнюю внучку, которая ходила в школу за четыре километра в центр колхоза. Осенью и весной внучка ездил на велосипеде, зимой ходила пешком.

Школьников в Тупке нет, Шурка живет у бабушки три года, с первого класса. Дочка и зять с двумя детьми мучаются в Минске в заводском общежитии. Чтобы им помочь, бабушка забрала к себе Шурку, изводится душой. Утром, в темноте, провела ее два километра за кладбище, чтобы не боялась, а дальше девочка добежит одна. И назад прибежит. Только вот -- метет и метет...

-- Мой зять говорит, раз одно государство, то командовать будет Москва, пошлет белорусов, куда захочет, -- обратилась ко мне бабушка Настя, не забыв вопрос о войне. -- Приедет, выпьет, и мы поругаемся. Один раз схватил Шурку с собой. Он себе рвет дитя, я себе. Кричит, что это я выбрала им такую жизнь. Упрекает, что голосовала за Лукашенко. Покайся, говорит, а то Шурка вырастет, не простит. Зальет глаза, плетет абы что. Ой, а кино?

Из-за меня бабушки прозевали южноамериканский телесериал. Когда спохватились и включили местный канал, там выступал незнакомый мужчина, молодой, но бородатый и умный. Говорил, какие геополитические преимущества возникли с появлением союзного государства. Говорил о евразийском пространстве как обязательном условии сбалансированного мирового сообщества и выживания славянской цивилизации под натиском обнаглевшего запада.

Бабушки послушали, заскучали. Только на минутку! Ибо скучать некогда. Нечем кормить кур, председатель колхоза не продал зерна, яиц весной не нанесут. Надо обсудить и решить: или кур под нож, или искать зерно. Кончается солома на подстилку скотине, надо идти к председателю просить, да ведь выгонит из кабинета, на все просьбы пенсионера у него готов ответ: "Иди отсюда, ты у меня не работал."

Неприступный председатель здесь три года, раньше был другой, при нем бабушки работали доярками, отдали колхозу здоровье. Сейчас им, беспомощным, предлагают куда-то уйти. Куда -- к черту, в могилу, в евразийское пространство, о каковом, как сообщила дикторша, талдычил по телевизору советник большого российского начальника, не понятый бабушками? Их пространство на расстоянии вытянутой руки -- до остывшей газовой плиты, на десяток шагов -- до гнилого сарая, где мычит от бескормицы их проблема.

Решить свои проблемы посредством большого-пребольшого государства хотят и депутаты, и советники, и спикеры, и совет бабушек. Хотят, убогие, одного, но как несопоставимы масштабы желаний, как различны предметы и понятия, ведущие к выводу о соединении белорусов и россиян в административное целое!

Не сумев самостоятельно обеспечить народу достойную жизнь экономическими методами, белорусские шаманы направляют народные надежды на новый виток в туманных пространствах веры, в мифических закромах России. Начальники априори снимают с себя ответственность за крушение народной мечты о лучшей жизни, одновременно обеспечивая лучшую жизнь для себя. Не разорвется ли союзное государство большим взрывом, когда столкнутся столь различные причины объединения, реально существующие внизу и вверху?

Я не задал бабушкам глобальный вопрос. Не успел сформулировать применительно к их жизненному пространству. Меня выручил дедушка. Он пришел к Насте за молоком. Она сказала, что не продаст, поскольку завтра сдает корову, а хочется накопить молока себе и детям. Дед сел на табуретку, молвил:

-- От грубиян!

Бабушки поняли, о чем он ругнулся.

Дедуля имел в виду председателя колхоза, к которому бабушка Настя ходила за сеном, да тот сказал, что нет. Дед выказал суть. С кем бы мы, бабки, ни объединились, царем и богом будет председатель.

Если бы я был незнакомец, бабушки никогда не стали бы откровенничать. Они бы сказали, что "мы глупые, деревенские, ничего не знаем, ничего не понимаем."

Скромницы и умницы! И как разбираются в российских мужчинах! Похоронив своих мужей, смотрят на чужих. Оценивают. Примакову, на их взгляд, надо на теплую печь под цыбулю. Жириновского называют "бандюгой", но полагают, что мог бы прижать воров. Путин нравится за то, что говорит "красиво, понятно". Ельцина жалели и жалеют, что больной, понимают его состояние: "И мы такие, но нас никто не клюет."

Короче, "еще не решили, кого встречать с объятиями." Так обобщила Вера. Все бабушки засмеялись. "Верны Лукашенко", -- молвил дедушка.

Мои герои попросили меня, чтобы не называл их по фамилиям, "а то председатель задушит". Уважаю их страх. Он продолжение их веры, доказательство их существования.

Старики растворились в общественной равнодушии, приспособились быть инкогнито. Их разыскивают во времени и в пространстве, когда надо проголосовать. Тогда стариковскую массу численностью почти в два с половиной миллиона (четверть населения страны! решающая половина президентского электората!) мобилизуют новыми обещаниями, превращают в пробойник личных интересов.

Я попросил моих стариков вот о чем. Чтобы представили, как летом к ним из сельсовета приедет активист с красным ящиком, прикажет ответить на вопрос, распирающий президента: согласны ли вы с необходимостью изменения Конституции Республики Беларусь в связи с образованием союзного государства -- да или нет?

-- А как отвечать? — серьезно спросили меня избиратели будущей жизни, напрочь лишенные государственного патриотизма.

-- Как думаете -- так и отвечайте. Я никому не скажу.

Ответили так: трое ДА, один НЕТ. Голосование было открытым. Я увидел, что три бабушки и один дедушка колебались, остались не уверены в своем выборе. При умелой пропаганде они запросто обменяют пустой для них звук "Беларусь" на заполненный российским газом баллон.

-- Не могу больше! -- вдруг простонала бабушка Настя. -- Пойду за Шуркой. -- И стала одевать еще один тулупчик.

У калитки стояла моя машина. Но бабушка не попросила меня подвезти ее навстречу внучке. Я вызвался сам. Ехать решили три бабушки. И Шурку встретим, и свежего хлеба в центральном магазине купим. Раз в неделю в Тупку приезжала автолавка, привозила хлеб, твердый и невкусный, как глина. Он дорожал с каждой неделей.

Метель разыгралась. Стеклоочиститель с трудом обеспечивал нам видимость. Дорога вспучилась острыми холмиками снега. Перекресток с газопроводом Ямал-Европа я попытался преодолеть на скорости. Не удалось. Мы забуксовали. Туда-сюда, туда-сюда -- сидим на месте. "Не мучай машину, -- по очереди посоветовали бабушки, -- мы толкнем. Мы умеем. Трактор из болота вытаскивали."

Три бабушки вышли, уперлись сзади в машину -- и освободили ее из плена.

Поехали дальше. Видим, впереди, по обочине дороги, движется навстречу маленькая заснеженная фигурка. "Деточка моя!" — прошептала бабушка Первая.

В машине Шурка села бабушке на колени и заплакала. На ранце за спиной лежал сугробик. На красивых бровках тоже лежал снег, не таял. Красной варежкой Шурка размазывала слезы, продолжала плакать, ничего не говоря. Бабушки попросили меня возвращаться в Тупку. Хлеб подождет. Надо отогреть девочку.

Мы развернулись. Предстояло еще раз пересечь проклятую трубу. Перед плохим местом бабушки приказали мне остановиться. Чтобы машина не забуксовала, решили они, надобно протоптать две колеи. Так мы и сделали. Трубу благополучно преодолели.

Дома девочка плакала, когда бабушка Настя снимала ранец, пальто, укутывала в теплую кофту, надевала толстые носки, сажала к столу, наливала щи из черного горшка, добытого в печи. Шурка не отвечала на расспросы, не произнесла ни слова, откусывала хлеб, черпала ложкой щи, слезинки падали в тарелку.

ЭТО ПЛАКАЛА БЕЛАРУСЬ.

Бабушка, родненькая, бедная, обозленная, политизированная, позволь задать тебе истинно БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС: неужели ты не понимаешь, почему в твоей хатке плачет будущая Беларусь? Посмотри: она еще маленькая, но устала, как старенькая. Так почувствуй же сердцем, бабушка, что внучка плачет твоими слезами, что она не хочет повторять твою дорогу, которую ты ей избрала в 1994-м и подтвердила на референдумах 1995-го и 1996-го. Покайся, грешная! Больше не решай за внучку, не выбирай для нее тупик, не толкай в пропасть. И тогда от твоего порога, бабушка, начнется новая белорусская дорога. Не меняй внучку на баллон.

...Выплакавшись, Шурка подперла кулачком подбородок, внимательно слушала, как три бабушки обсуждали, почему нынче в погребе плохо хранится картофель. Как пришла -- еще не улыбнулась.

2000